

Л. Н. Бердников

ДНЕВНИК

1964—1987 гг.

Леонид Бердников
Дневник (1964-1987)

«Геликон Плюс»

2013

Бердников Л. Н.

Дневник (1964-1987) / Л. Н. Бердников — «Геликон Плюс»,
2013

...смерти как полного небытия не существует, есть переход в иное... Л. Н. Бердникову удалось не столько и не только понять, идя в одиночку, суть единства окружающего его Мира, но и включить в это понятие единства и сами противоречия этого Мира, показав, что с точки зрения высшего Единства и сами противоречия становятся только частными случаями Единства, различными проявлениями процессов взаимодействия элементов Мира друг с другом, Мира с элементами, элементов с Миром и Мира с самим собой. О том, какой путь прошел Л. Н. Бердников для того, чтобы прийти к такому осознанию Мира и себя в нем, и рассказывается в этом дневнике.

© Бердников Л. Н., 2013

© Геликон Плюс, 2013

Содержание

Предисловие	5
Первая тетрадь	7
1964 год	7
Вторая тетрадь	23
1965 год	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Леонид Николаевич Бердников

Дневник (1964–1987)

Предисловие

Возможно, нелепой выглядит сама попытка опубликовать в начале XXI века частный дневник человека, жизнь которого целиком уложилась в XX век. В российский XX век. Он, этот недавно ушедший от нас век, еще слишком реален, еще полностью в нас. Трудно ожидать, что, читая чьи-либо записки, мемуары или, тем более, дневники, мы чему-то удивимся или заинтересуемся всерьез. Столько еще помнится и прочитано нами самими, столько уже услышано от старших современников, что ко всякого рода подобным публикациям а priori относишься скептически: «Что уж такого нового мне могут рассказать? О репрессиях? О войне? О голоде?»

Да, это верно. И никогда я бы не рискнул предлагать вниманию посторонних глаз дневники моего отца, если бы они действительно касались упомянутых выше тем. Даже довод: «Это свидетельство очевидца, участника событий», – не убедил бы меня в необходимости делать это. Мало того, этот дневник, скорее всего, будет интересен достаточно ограниченному числу людей. Но в первую очередь он несомненно интересен тем, кто знаком с небольшой, но чрезвычайно емкой книжкой: Л. Н. Бердников. «Многообразие единого» (Изд-во СПбГУ, 1999, 34 с.; а также в журнале «Реальность и субъект», 2001, в. 5, ? 1, с. 3–17).

Этот дневник сам по себе, без предварительного умысла, попадает в сферу действия той книги, об истории создания которой в нем и повествуется, в сферу действия основной идеи этой книги: «Все принадлежит Миру, а то, что ему принадлежит, – это его элементы». Духовные и философские искания автора дневника, приносившие ему столько мучений и радости, были (и он чувствовал это) выражением хода философской мысли во всем мире в середине XX века. Казалось бы, что в этом удивительного? Да, конечно. Но весь мир общался, обменивался идеями. Автор этого дневника и упомянутой книги (книга вышла более чем через десять лет после его смерти) жил в обстановке информационного вакуума, в котором пребывала вся наша страна многие годы, а высшим и последним достижением философии были труды Маркса, Энгельса, Ленина.

Леонид Николаевич Бердников в одиночку и до конца прошел сложнейший путь от разобщенности мира на идеализм и материализм к его единству. Это и есть подтверждение основной идеи книги о Единстве самой системы Мира и его подсистемы – системы идей. Можно, конечно сказать: «Это же ясно, свойства любой системы не исчерпываются свойствами входящих в нее элементов...» Можно! Но и в книге и, тем более, в дневнике поражает то, как человек лишенный доступа к «витающим» в мире идеям, не только приходит к тем же выводам о фантастичности идеализма и ущербности материализма, но и предлагает путь к решению этой проблемы. Мне кажется, что до сих пор еще никто кроме Л. Н. Бердникова не ввел в философский оборот понятие об относительности материи и не дал такой логически чистой формулировки самого определения материи, которое приведено в книге.

Уже после смерти отца, подготавливая к изданию его книгу, я обратился, естественно, и к этому дневнику. Реальная возможность издания книги возникла только в 1998 году. К этому времени информационная плотина была уже прорвана. На русский язык стали переводиться многие книги и статьи зарубежных (и западных, и восточных, и современных, и древних) философов. Стали появляться и книги русских философов начала XX века, и публикации современных моему отцу отечественных философов и филологов, которые не могли быть опубликованы до начала 90-х годов. Весь этот поток «новых» публикаций буквально гудел, как

набат, одной главной проблемой: Мир, как единство, не вмещается ни в идеализм, ни в материализм. Например, в книге А. Ф. Лосева «Страсть к диалектике» (тоже вышедшей посмертно) приводятся такие слова: «Меня поражала ясность мысли Соловьева, когда он говорил, что если брать действительность в целом, то она превышает каждую отдельную вещь, хотя в то же самое время и не может не отражаться на каждой отдельной вещи. Это учение о всеединстве еще и теперь представляется мне азбучной истиной, без которой не могут обойтись ни идеалисты, ни материалисты.» (А. Ф. Лосев. «Страсть к диалектике», М., СП, 1990). Следует, кстати, заметить, что А. Ф. Лосев сам прошел путь от идеализма к материализму, но последнего шага к всеединству, который, как мне кажется, он уже чувствовал, он не сделал. Но гораздо раньше (у нас, правда, это стало достоянием широкой читающей публики только в 1993 году) о недостаточности как идеализма, так и материализма писал О. Шпенглер: «Обе стороны¹, отталкиваясь от каузального ряда, доказывают, что противники явно не видят или не желают видеть истинной взаимосвязи вещей, и кончают тем, что шельмуют друг друга как слепых, поверхностных, глупых, абсурдных или фривольных, забавных хрычей или плоских филистеров». (О. Шпенглер. «Закат Европы», М., «Мысль», 1993).

Л. Н. Бердникову удалось не столько и не только понять, идя в одиночку, суть единства окружающего его Мира, но и включить в это понятие единства и сами противоречия этого Мира, показав, что с точки зрения высшего Единства и сами противоречия становятся только частными случаями Единства, различными проявлениями процессов взаимодействия элементов Мира друг с другом, Мира с элементами, элементов с Миром и Мира с самим собой. О том, какой путь прошел Л. Н. Бердников для того, чтобы прийти к такому осознанию Мира и себя в нем, и рассказывается в этом дневнике.

С. Бердников

---

¹ Имеются в виду материалисты и идеалисты (С. Б.)

Первая тетрадь

1964 год

2 января

Старикашка простудился и с 25 ноября по вчерашний день проболел воспалением легких. Сегодня первый день на работе. Через полчаса после начала работы – звонок из Москвы. Надо завтра быть там. Пытаюсь отговориться, т. к. не уверен в себе после болезни, а главное, не хочется ехать. Настаивают. Я говорю, что доложу начальству. И вот докладываю, а начальство чувствует себя уязвленным – почему обратились через его голову прямо ко мне, и... выносит решение – не ехать. Создается ситуация, не выгодная для меня. Медведев (Госкомитет), на которого, как мне передавали, я производил хорошее впечатление, сейчас испытает разочарование. Он, конечно, истолкует это как мой маневр: отговаривался, не хотел ехать и договорился со своим руководством, чтобы не пустили. А это ведь не так. И вот налицо коллизия – мелкая. Маленькая и поганая. Ехать мне все равно придется и меня, конечно, в Госкомитете спросят, почему приехал не вовремя. Если скажу, как было на самом деле, что начальство впало в амбицию – осложню их взаимоотношения, накапаю за спиной; противно. Если буду его выгораживать – заслужу (и несправедливо) дурную репутацию – я тут не при чем.

Вот так окунулся я сегодня в свои будни и это после целого месяца задушевной беседы с книгами!

Я к людям шел назад с таинственных высот,
Великие слова в мечтах моих звучали.

«Да... жизнь человеческая», – как говорил когда-то дядя Володя². И я еду домой в трамвае, и мне неприятно. Понимаю, что все это мелочь: и сами чувства мои, и повод, а мне неприятно. Но тут появляется мысль, что задача имеет объективное решение. Правильно будет не осложнять взаимоотношения между Госкомитетом и институтом, потому что это будет мешать работе. И вот мне кажется, что так будет справедливо, и еду я дальше в трамвае успокоенный.

5 января.

Сегодня выезжаю в Москву. Не хочется, поэтому и воскресенье испорчено.

6 января.

Москва. Выехал я вчера из дома расстроенным. Перед дорогой я каждого поцеловал, и каждый ответил на мое прощание ласково. Кроме Маши³. Она это сделала, как отмахнулась, зная, что этим меня огорчает. Я не понимаю ее, потому что еще не могу поверить, что она меня не любит: неужели от всего детства, от всего прошлого ничего не осталось? Я не выдержал и сказал ей при всех: «Ты одна у нас такая». Наверно, не надо было этого говорить, хотя бы потому, что этим я огорчил Женю⁴. Она ангел-хранитель нашей семьи.

12 января.

---

² Тесть Л. Н. Бердникова – Владимир Давыдович Вейцман.

³ Дочь – Мария Леонидовна Бердникова (в замужестве – Останкова).

⁴ Жена – Евгения Владимировна Бердникова (Вейцман).

Я все еще в Москве. Первые два дня жил в гостинице «Мотель». Проезжая мимо Кунцева⁵, я ничего там не узнавал. За сорок с лишним лет все так изменилось, что просто стало совсем другим и совсем чужим для меня. Во мне ничто не шевельнулось при виде тех мест и ничто не дрогнуло – мы оказались чужими и даже не узнали друг друга. По-моему, сейчас в Кунцеве плохо, по крайней мере, там, где я проезжал, – это, правда, строящаяся, но окраина города. А какие там бывали чистые летние вечера на тихих дачах, в прошлом!

Но о том, что прошлое не возвращается, я не жалею, потому что это – движение жизни, хотя стариться грустно и иногда кое-что хочется повторить. Мне кажется, что я искренне за молодежь и с нею, но с той, которая ищет будущее, старается понять настоящее, ценит и любит лучшее в прошлом. Но жизнь, ее движение, понять трудно. Во время болезни, у Соловьева я читал о расправе Иоана IV с Новгородом, об ужасных жестокостях и в городе, и на Волхове, когда раненых, тонущих, неповинных били с лодок по головам. Надо быть таким, как Шекспир, чтобы вместить все это в себя, продолжая любить людей. Иногда от всего этого приходишь в отчаяние, теряешь надежду понять историю, особенно, когда видишь такое непостижимое единство стремительного движения вперед, прогресса и убийственного застоя человеческой природы: XVI век и XX век, наука и техника тогда и теперь, Иоанн Грозный в Новгороде и немцы в Киеве, Бабий Яр, вся эта война, все, что недавно совершилось. Но вот сегодня я побывал в Коломенском. Тот же XVI век, храм Вознесения. На снимке, который лежит сейчас передо мной, галерея-гульбище занимает страницу от одного края до другого и красота храма уже не та. Его обязательно надо смотреть на просторе. Он и построен так – вознесен на высоком берегу.

«Бе же церковь та вельми чудна выотою, красотою и светлостью, яко не бывало прежде сего в Руси».

Но все это в запустении. На куполе звонницы церкви Георгия растут кусты, кирпич разрушается. Храм Вознесения тоже много лет не реставрировался. Больно смотреть. Нашел директора заповедника (музея): говорит, что министерство культуры отпускает в год по 15 тысяч, а на 1964-й даже 12,5. Потом нам не простят этого. Если мы не опомнимся.

13 января.

Скучаю. Хочу домой. Это вечная история, когда я куда-нибудь уезжаю. Хотя в эту поездку мне повезло – живу в отдельном номере «Бухареста» и наслаждаюсь отсутствием обязательного общества, общества, которого не выбираешь.

Мне иногда снится сон один и тот же по настроению, хотя при этом события совершаются разные, но всегда незначительные. Сон этот в общем хороший, приятный. Обычно я куда-то иду, что-то происходит, но самое важное, именно то, что окрашивает такой сон в приятные цвета, это свобода воли, которую я испытываю на всем протяжении сновидения. А какое-то беспокойство, сопровождающее все это, мешает сну стать счастливым. Я часто думал: откуда эти сны берутся? Теперь догадался: мне снится мое душевное состояние, которое бывает у меня в командировках. В командировке я один; хожу, брожу, созерцаю, работаю столько, сколько нужно для дела, а не по звонку, думаю, не тороплюсь... И при всем при том я не люблю командировок – чувствую себя одиноким, тоскую, беспокоюсь...

14 января.

---

⁵ «14 мая, среда. Сегодня я и наш класс ходили на экскурсию в Кунцево», – из записной книжки 1924 года.

Заходил в «Детский мир». Хороший дедушка вместо того, чтобы покупать себе книги, купил бы на эти деньги игрушки внукам. Я знаю, что так надо было бы делать, но покупаю книги и потом терзаюсь.

Помнится мне, что в Евангелии Христос требует от своих последователей, чтобы они оставили своих отцов и матерей и следовали бы за ним. Я давно не перечитывал Евангелие и может быть, не точно передаю это место, но мысль там такая. Что же это значит? Это, очевидно, означает призыв жертвовать всем ради духовной жизни, причем ради своей духовной жизни. Требование эгоистичное. Но в этом эгоизме таится нечто и совсем ему противоположное. Такая жгучая жажда духовной жизни, если ради нее бросают все, есть, несомненно, проявление в человеке начала самого человеческого. Старик Толстой ушел из Ясной Поляны. Такие вот утешения приходят иногда мне на ум, но я им до конца поверить не могу. Я чувствую себя пустоцветом. Никому не нужна моя мятежная потребность в такой жизни. Умри я сейчас, и ничего от всего этого не останется. Я поступал бы добрее, если бы вместо книг покупал бы внукам игрушки, а вместо того, чтобы волноваться над Шекспиром или Плутархом, помогал бы Жене. Но я не могу себя побороть.

16 января.

Да, старость – это одиночество. Тут не требуется доказательств. Выйди на улицу и смотри: дети играют стайками, молодежь ходит парами, средний возраст – семьями, старики – одни. Я заметно стареюсь.

17 января.

Вот я и дома.

27 января.

«Пожалуй, ни один представитель той отрасли науки, которую мы именуем историей, с момента ее зарождения (то есть с Геродота) и до наших дней не пользовался такой славой и признанием, не заслуживал таких восторженных оценок, как Тойнби». Это я прочел в очерке С. Утченко («Новый мир»⁷ за 1962 год). Прочел, конечно, с запозданием, но важно другое, – об Арнольде Жозефе Тойнби я услышал впервые! А ведь С. Утченко, говоря о популярности Тойнби, имеет в виду не только специалистов так наз. западного мира, а среднего читателя. После того, как я узнал о существовании Тойнби, я стал проверять – кто и что о нем слышал у нас. Проверял не у специалистов-историков, (они, надеюсь, знают), а у читающей публики. Аля⁶, которая следит за литературой, его тоже не знает.

Это меня удручает.

28 января.

Меня удручает отсутствие свободы информации – это большое зло. Это несчастье.

2 февраля.

Снова в Москве (с 30 января). Сегодня, в воскресенье, был в Андрониковом монастыре – там музей древнерусского искусства.

Посередине монастыря стоит собор. Где-то у стен его похоронен Андрей Рублев. Музей носит его имя. Собор Андроникова монастыря – самое древнее здание Москвы, построен в 20-х годах XV века. Это изумительное сооружение. Когда на него смотришь со вниманием – захватит сердце – так оно волнует, это белокаменное, полное вдохновения здание. Замечательно здесь и другое. Музей – одно из самых живых учреждений. Я познакомился с двумя его сотруд-

---

⁶ Александра Львовна Андрес – член союза писателей, переводчик и редактор многих произведений французских писателей, издававшихся в России в 1950-е – 1980-е годы.

ницами. Одну из них зовут Ириной Александровной Ивановой, имя другой, к сожалению, не спросил. Обе они воспитанницы Наталии Алексеевны Деминой, автора книги «Троица». После их искреннейших и увлеченных рассказов о спасенных сотрудниками музея памятниках, о реставраторах и самих безымянных авторах, я был так взволнован, что даже сделал запись в книге отзывов, чем никогда не грешил. Я написал там следующее: «Вы делаете большое дело. Все, кому дорога русская культура, должны быть Вам глубоко признательны». Когда я благодарил Ирину Александровну, я делал это от всего сердца, и у нее выступили на глазах слезы. Вызвали их не столько мои слова, сколько наше общее волнение удивительным искусством русских людей.

Я там (в музее) узнал, что совсем недавно на Пленуме по идеологическим вопросам, кажется Михалков, выступил с предложением (предложение это будто бы не только его, а многих) создать добровольное общество по охране памятником старины. Оно, это предложение, было начисто отвергнуто.

А памятники гибнут. Одну икону «Успения Божией Матери» дивного письма работники музея нашли на зернохранилище одного колхоза. Она использовалась как доска. А сколько таких икон не найдено! Страшно думать об этих потерях и сознавать свое бессилие.

5 февраля.

Утром приехал в Ленинград. Меня всегда радует возвращение домой. Для меня это праздник. Хотя Москву я люблю – там я на Родине, в России.

Москву надо понять. Ее пестрота, подобно архитектурному «узорочью» старых русских церквей, для глаза, который привык к классическому лаконизму, приводит в замешательство. Но надо знать, и не только знать, но и чувствовать, что Москва – средоточие России, нашей России, сложнейшей, противоречивой, огромной страны с трудной, может быть даже трагической биографией, с величественной судьбой. В Москве все это перекрещивается. Результат скрещения всех этих сил, прошлого, настоящего и будущего – это и есть Москва.

10 февраля.

В августе прошлого года в Красноярске (когда я ездил туда на совещание по использованию энергоресурсов Ангары и Енисея) мне довелось купить книжку М. А. Ильина «Москва». Теперь она встречается мне довольно часто, а тогда она попала мне на глаза второй раз. Первый раз я ее видел в Зеленогорске в июле, и денег купить ее у меня не было. Она доставила мне много радости, с тех пор и оказалась чрезвычайно полезной как путеводитель по памятникам художественной культуры Москвы.

Бродя по Москве в поисках этих памятников, рассматривая их, я пережил много счастливых минут. За несколько раз, что я там был, начиная с августа прошлого года, мне посчастливилось увидеть, в общем довольно много, если учесть, как мало времени у меня для этого было. Для памяти приведу здесь список виденного. Вот он. Кремль и собор Василия Блаженного я не считаю, к ним надо будет еще вернуться:

1. Церковь зачатия Анны.
2. Церковь Троицы в Никитниках.
3. Церковь Антипия.
4. Церковь Знамения на Шереметьевом дворе.
5. Дом боярина Троекурова.
6. Церковь Всех Святых на Кулишках.
7. Храм Введения в Барашах.
8. Палаты боярина Волкова.
9. Церковь Петра и Павла на Кулишках.
10. Церковь Никиты за Яузой.

11. Церковь Успения в Гончарах.
12. Церковь Николы на Болвановке.
13. Церковь Николы в Пыжах.
14. Церковь Воскресения в Кадашах.
15. Палаты думного дьяка Аверкия Кириллова.
16. Андроников монастырь (Соборный храм!).
17. Село Коломенское (церковь Вознесения!).

Здесь я перечисляю только древние памятники. К XVIII, XIX и XX векам я надеюсь обратиться позднее. Вспоминая историю и глядя на памятники старины, невольно думаешь: это то лучшее, светлое, возвышенное, что завещали нам наши предки. Было много страшного, жестокого и свирепого в прошлом. Но было также и добро, были чистые сердцем... Это они стоят сейчас среди новой Москвы и хотят говорить с нами. Но мы часто проходим мимо них, не слушая и не слыша.

17 февраля.

Читаю Вельфлина – «Искусство Италии и Германии эпохи Ренессанса». Так она, эта книга, названа в русском издании 1934 года. Точнее ее название «Искусство итальянского Ренессанса и германское чувство формы». Характер народа и его искусство – это интересная тема, которую Вельфлин во всем ее многообразии и не пытается раскрыть. Он формален. Но мне бы хотелось разобраться в этом. Особенно в отношении русского искусства и без всякого шовинизма. Искусство народа – это его дневник. Если он не будет в нем искренен – не будет искусства, а если есть у народа искусство, значит, он в нем себя выразил. Следовательно, чтобы понять народ, надо понять его искусство. Но как это сделать? Должен признаться, что, будучи на выставке немецкого и австрийского искусства в Москве, я не мог освободиться от одного тягостного чувства. Против своей воли я искал в их искусстве признаний в том, что привело немецкий народ к нечеловеческим преступлениям в этой последней войне. Это не преступления отдельных людей. Все это стало возможным, потому что это допустили многие. Потому что они позволили себе это приказать и выполняли эти приказания. За это несет ответственность народ, нация.

У нас, у русских, тоже есть свои грехи, свой характер. Так о чем же повествует нам наше искусство? Прав ли я был, когда 10 февраля записал, что в своем искусстве наши предки завещали нам только лучшее и светлое, что у них было? Наверно, нет. Наверно, в нем они признавались нам как на духу. Даже больше, потому что они говорили обо всем, о лучшем и худшем, о добром и злом.

24 февраля.

За время, что я не садился за эту тетрадь, мне снова пришлось побывать в Москве – четыре дня с 18 по 22-е. Ездил с Е. П. Ракуцом. Надо дать себе отчет, почему с ним (и не только с ним, но даже при нем) мне так трудно работать. Он меня деморализует. Зато в обстановке внеслужебной мне удается легко его преодолевать. Речь идет о каком-то моральном, волевом единоборстве. Он принадлежит к той породе людей, которые с удовольствием ловят других на их слабостях и не упускают случая, чтобы, как можно больше тот это почувствовал. Дело он знает лучше, чем я, и пользуется своим преимуществом во зло. В нем странно и противоречиво совмещаются хороший работник и человек неумного поведения. Глядя на него, приходишь к заключению, что есть разный ум и разная (не количественно, а качественно) глупость, и что в одном человеке все это может причудливо уживаться.

28 февраля.

Кажется, с 18 лет меня преследует, беспокоит, мучает чувство потерянного времени. Если я в свой досуг не читаю, не занимаюсь – я страдаю оттого, что время идет впустую. С возрастом это даже усиливается. Только тогда, когда я не работаю и, следовательно, могу уделить своим занятиям весь день, эта лихорадка проходит. Но что я делаю и зачем? И много ли я успел?

Человеку практическому мне на эти вопросы вразумительного ответа не дать. Я не могу иначе – это, пожалуй, первое, что мне придется сказать. Это удовлетворение какой-то сильной потребности. Но в чем состоят мои занятия? К сожалению, ничего весомого, зримого я не создаю. И дело в том, что я просто коплю знания. Скорее это похоже на другое – мне необходимо общение с божественным человеческим духом, присутствие которого я ищу в книгах, в сооружениях, в картинах, в музыке и... Но нет, почему я мало ищу его среди своих современников?

4 марта.

Мне казалось, что отныне никогда не будет такого, чтобы дома, где Женя так внимательна ко мне, всегда добра, ровна, заботлива, чтобы я был к своим любимым недобр, придирчив, несправедлив. Как это может быть и зачем?

С таким чувством я возвращался сегодня домой с работы.

Войдя, увидел, что Маша собирается в библиотеку, и попросил ее попытаться достать первый номер «Иностранной литературы». Там впервые у нас напечатан Кафка. Это событие, за которым стоит многое. Стрелка на приборе дрогнула. Но нужно знать, какие силы и явления пришли в движение, чтобы понять стрелку.

Но сейчас о другом. Я попросил Машу узнать, есть ли этот журнал, и если есть – взять. Он ей не интересен. А для меня она этого сделать не хотела, стала отговариваться. И вот этого оказалось достаточно, чтобы мое душевное равновесие, которое я нес домой, было потеряно. Хорошо, что внешне я почти этого не показал, но для меня было все испорчено. Позднее пришел Коляна⁷, которого я всегда рад видеть и искренне ему рад. И я весь вечер в разговоре с ним раздражался. Тут инцидент с Машей наверно ни при чем. Я совсем не такой, каким хотел бы быть!

9 марта.

Как просто доказать технический прогресс человечества! А прогресс моральный?

10 марта.

Судьба сделала мне подарок: купил «Троицу» Деминой. Долго и безуспешно искал. В Третьяковке мне сказали, что она сама, автор, приходила спрашивать, и не было. Но в канун своего дня рождения⁸ случайно нашел. «Троица» Андрея Рублева» Н. Демина. Гос. изд. «Искусство», Москва, 1963. Тираж 10000 экз. Цена 1 р. 15 к.

12 марта.

Сейчас, когда я пишу это, на меня смотрит Нефертити. В день моего рождения, вчера, мне подарила этот слепок Оля⁹. Помню, когда несколько лет назад увидел подлинник, мне показалось, что можно быть счастливым только оттого, что существует такое. Египтянка сейчас смотрит на меня, и я не пойму – улыбается она мне или нет.

---

⁷ Брат – Николай Николаевич Бердников.

⁸ Л. Н. Бердников родился 11 марта 1911 года.

⁹ Двоюродная сестра Е. В. Бердниковой – Ольга Николаевна Элькин – геолог.

22 марта.

С 17-го по 20-е включительно был в Москве. Очень устал. Освободиться от этого утомления не могу до сих пор. Но должен здесь признаться, что причина этому не работа. Мне хотелось все свободное время использовать наилучшим образом. Если бы я не был простужен, я бы обязательно продолжил бы свое паломничество к памятникам старой Москвы, но от этого пришлось отказаться. Значит, остались музеи. Я бы с удовольствием забирался так же в библиотеку им. Ленина, но в командировке мне, как правило, негде отдыхать и я, конечно бы, засыпал за книгой, т. к. всегда нахожусь в состоянии усталости.

За эти дни я был в Академии художеств на выставке Г. Г. Нисского и работ, отобранных на Ленинскую премию; в Музее изобразительных искусств и в Третьковской галерее.

Г. Г. Нисский родился в 1903 году, а находит себя, как мне кажется, только в 1956–1957 гг. С этого времени у него появляется свое лицо – лаконизм и геометричность восприятия. Это не формальный момент; не может быть самолета в стиле барокко, он просто не будет обладать современными летными качествами.

На выставке работ, отобранных на Ленинскую премию, видел иллюстрации к «Ромео и Джульетта» Д. А. Шмаринова. Понравились. Он сумел согреть их; они, эти двое влюбленных, стоят перед нами такими молодыми и пылкими, но настолько еще не знающими своих сердец, что нам, посвященным в драматизм их века, нельзя оставаться равнодушными, и судьба этих двух известных литературных героев вдруг повертывается к нам, как судьба наших детей – такой близкой оказывается она нам.

1 апреля.

Был с Коляной на могиле мамочки¹⁰. Уже прошло два года, но все еще страшно произносить эти два слова рядом – «могила» и «мама». День сегодня скверный – с утра моросит дождь вперемешку со снегом, который сразу тает. Коляна зяб. Я себе ясно представил, как, увидев нас там, мамочка сказала бы с раздражением:

– Да идите, вы, в самом деле, домой! – и погнала бы нас прочь, чтобы не простудились.

На могиле сухие стебли прошлогодних цветов. Усиленно чирикают воробьи. В отдалении серой дымкой стоят деревья. Весна. Жизнь идет, конечно, своим чередом.

5 апреля.

Вчера, когда мы обедали, появилась Маша. Она пришла от парикмахера, сделав, для нас всех несколько неожиданно, прическу. Оказалось, что она идет к фотографу – сниматься для коллективной карточки их школьного выпуска. Вчера это прошло для меня малозаметно, я не выделил этот случай из других каждодневных событий. Но сегодня, ретроспективно, я понял его значимость, ощутил тоску, с которой я, быть может, когда-нибудь посмотрю на ее юное лицо, вспомню это время, этот год, год окончания школы, когда мы все были вместе! Что ждет каждого из нас, нашу семью? Мы старимся, дети уходят. Такой, какой она была вчера, школьницей, она останется на этой карточке на долгие годы, ее будут разглядывать внуки, ее внуки.

15 апреля.

Не знаю, поймет ли Маша после вчерашнего разговора, что она должна стать другой. Иногда ее ответы, а чаще тон, жест, манера оскорбляют того, с кем она говорит. Вчера это случилось с Володей¹¹, который, к сожалению, с ней часто насмешлив и никогда не бывает ласков. Они поссорились. Мы, я и Женя, говорили с обоими, с каждым порознь. Женя защищает Машу, хотя терпит от нее больше других. С возрастом она все сильнее ее любит и даже пере-

---

¹⁰ Мария Леонидовна Бердникова (Щербакова) умерла 1 апреля 1962 года.

¹¹ Старший сын – Владимир Леонидович Бердников.

стает замечать, что прощает ей слишком много и, мне кажется, портит этим ее. В продолжение всего вчерашнего разговора (говорил я, Женя сказала два слова), Маша стояла и выслушивала меня молча. Проснулся я сегодня утром подавленным, с тяжестью на сердце, но люблю ее еще больше.

1 мая.

Вчера вернулся из Москвы, где провел 8 дней. Вот я уже не первый раз делаю такую запись, но ни разу не говорю о работе, о том, ради чего я туда езжу. Это знаменательно. К величайшей беде для меня мои служебные дела, моя работа не являются содержанием моей жизни. Это не мое увлечение, не мое призвание, не то, ради чего я живу, хотя, быть может, это единственное оправдание моего существования, так как в чем другом оно может состоять?

Сегодня, также как и в прошлые разы, мне не хочется говорить о работе. (Замечу в скобках: драматизм моего положения, или может быть правильнее сказать участи, кроме всего и главным образом в том, что работа моя, которой, как и все, я посвящаю большую часть времени и почти все силы, что она не оставляет во мне сознания своей полезности, так что пожалуй и тут, даже в этом нет для меня утешения.)

В эту свою поездку я снова побывал в Третьяковке, на выставке молодых художников в зале Академии художеств и в Загорске, в Троице-Сергиевом монастыре. В Третьяковке, кажется, первый раз, видел «Троицу» Рублева так хорошо освещенную дневным светом. Жаль, что не было солнца, но и так она дивно преобразуется и оставляет на душе чувство покоя, чистоты и, если можно так сказать, – светлости.

Среди молодых художников, выставленных в Академии, большинство надежно стреножены традицией. Вообще мы слишком много и слишком часто говорим о традициях. Боюсь, что это не случайно. Художница Иванова – способный человек. Некоторые ее портреты оставляют внимание, но она нам говорит о чем-то давно знакомом. Мне понравилась девочка-алтайка О. К. Комова. Комов выполнил ее из темного гранита. Она лаконична и выразительна. Автору присуще чувство формы, хотя его алтайка хорошо смотрится не со всех сторон (ее лучше смотреть анфас). Небольшие полотна М. А. Коротковой – «Пастухи на ферме», «Молоковоз», «Птичница», «Верочка» – очень жизнерадостны, но это не традиционная жизнерадостность наших сельскохозяйственных живописцев – подойников и корових задов, освещенных солнцем. Из художников и скульпторов этой выставки, наряду с Комовым и Коротковой, мне показались интересными И. В. Васильев (скульптуры «Н. Островский» и «Портрет з.д.и. Э. Мелхареса»), В. М. Арапов («Дворник», «Карелия»), Н. В. Щеглов («Бахчисарай», «Старая Рига», графика – цикл «Спорт»), К. Б. Назаров (серия «Заполярье» – гуашь, темпера), М. Г. Григорьян («Новые горизонты»).

В Троице-Сергиеву лавру я отправился в воскресенье. Она, как известно, стоит на холме, отчего все сооружения за монастырской крепостной стеной кажутся сказочно высокими, а вся она неприступной. Она немножко пугает, когдаходишь к ней, нагромождением своих строений, высотой стен. Чувствуешь себя как во сне, на пороге надвигающегося кошмара. Не знаю, но так, по крайней мере, было со мной. Однако внутри, за стеной впечатление ото всего уже другое, хотя монументальность продолжает уничтожать. Троицкий собор не...

4 мая.

Тогда я не успел дописать, что хотел. Сегодня, может быть, закончу о Лавре. Но прежде, вот о чем: мне пришло на ум, что то, что проходит через мои руки по работе, в чем я так или иначе участвую, как ни как, есть все же, если не страницы, то строки истории отечественной целлюлозно-бумажной промышленности, а потому может быть надо было бы кое что для памяти записывать. Меня постоянно удручает, что в результате моего труда не появляются ценности, о которых я мог бы с уверенностью сказать, что они будут полезными людям: я

не делаю ни гвоздей, ни космических кораблей. Я делаю и переделываю, составляю и пересоставляю план развития целлюлозно-бумажной промышленности. Но то, что мы нащупываем, те направления, которые начинают вырисовываться, если составить себе труд и разобраться в наших следах, все это часть истории нашего хозяйства, нашего планирования, нашей союзной промышленности, прежде всего русской. Даже если наша работа на поверку окажется бесполезным блужданием, ошибкой, то слов из песни не выбросишь – это все равно строчки истории нашей Отчизны. Может быть, надо это записывать? Может быть, такие записки потом оказались бы полезными, хотя бы в какой-нибудь доле будущему историку наших дней или нашей отрасли промышленности?

Теперь о Лавре. Но впечатления стерлись, и уже не хочется об этом писать. Вот почему дневники задним числом не пишутся, а только по горячему следу.

О Троицком соборе, ровеснике собора Андроникова монастыря, я хотел сказать, что верх его в том виде, в каком он сейчас находится, это, конечно, позднейшая перестройка. Видно, где кончается его белокаменная кладка и начинается кирпич. Этим кирпичом заложено пространство между килевидными закомарами, а верх храма выровнен и завершен четырехскатной крышей. Когда-то это, конечно, было не так и было лучше: тут должна быть не четырехскатная, гладкая крыша, а живописное покрытие по закомарам, из которых и посреди которых должен строго возвышаться подкупольный барабан.

Лавра – живой музей. По дорожкам монастырского сада время от времени проходят монахи в своем строгом, красивом облачении. Среди них есть и молодые. У этих последних лица особенно строги. Наверно среди них есть самобытные и сильные характеры. Поговорить, конечно, не пришлось. Лавра сейчас как малый остров прошлого стоит среди безбрежного океана новой жизни.

Когда я уже спустился с холма и шел к станции, там на этом острове, запели колокола. Звук их мне показался призывным – он грустен, как воспоминание.

За последнее время я дважды побывал в церквах во время богослужения. Во мне многое могло бы ожить, всколыхнуться после этих посещений, но каждый раз я уходил подавленным, как от чего-то убогого, чему я оказался свидетелем. В то же время я почти завидую тем, которые живут религиозным чувством – «блажен, кто верует, тепло ему на свете», но верить уже не могу; во многое уже не верю. Однако, уверенность, что истина не может быть беднее заблуждения, во мне жива, и я все еще надеюсь разбогатеть (духовно).

14 мая.

Вернулась из больницы Нина¹². Она сделала аборт. Дома ее не было сутки. Все, кажется, благополучно, если над этим не задумываться или, вернее, если не давать ходу воображению. На Володю и самую Нину операция не произвела будто бы тяжелого впечатления – она это делает не в первый раз. Но мне это тяжело. Мне жаль Нину, и угнетает мысль о насилии над тем, кто был бы всем нам дорог, если бы мы его не убили. Ночью я видел такой сон. Маленький черный лохматый щенок. Он принадлежит мужчине, который находится тут же, возле меня. Хозяин при мне на кровати перерезает щенку горло. Щенок не понимает, что с ним сделали, ему, очевидно, не больно, потому что он, глядя на нас, пробует вилять хвостом и даже делает попытку побегать, для чего прыгает с кровати, но тут же ноги его подкашиваются, и вот он лежит распластанный.

31 мая.

В легенде, рассказанной Анатодем Франсом, иранский шах (кажется, речь там идет о нем) не удосужился заняться историей, т. к. жизнь, ее сегодняшний день, заполнила собою все

---

¹² Невестка – жена старшего сына.

его время, и поглотило все его силы. Историю он хотел знать, чтобы понять современность, но в отличие от шаха, я ею занимался в ущерб сегодняшнему дню. Речь идет не о физическом времени, которое я посвящал этим занятиям, я говорю о центре тяжести своих интересов. Он лежал в прошлом. Со мною было так, как было бы с этим шахом, если бы он взялся читать те книги, которые ему привезли в первый раз – он не был бы живым участником современной жизни. Сегодня прошлого мне стало мало. Целый день меня тяготит какое-то новое чувство, мне не достает проникновенного, умного слова, которое было бы сказано о моем поколении, о моем времени. Мне не читалось и не смотрелось сегодня. Пошел в Русский музей. На площади Искусств стоит памятник Пушкину. Смотрю на него и не могу освободиться от ощущения – зачем Аникушин изъясняется с нами на языке наших прадедов?! Он говорит хорошим языком, но на нем всего не скажешь, и не скажешь как раз того, что надо сказать сегодня. Я перехватил через край: в залах музея мне не хотелось смотреть старых мастеров – мне остро не хватало современного слова. Портрет девушки с книгой Дейнеки немного успокоил меня. А дома начатый Светоний – я насилу его читал, хотя с таким нетерпением ждал встречи с ним.

Сейчас вечер – полдвенадцатого. Дивный месяц Май прошел.

2 июня.

Вчера у Маши первый день экзаменов – сочинение по литературе. Что-то будет? Думаю, от других экзаменов ее освободят по здоровью.

11 июня.

Прошлый раз, когда я писал о Машиных экзаменах, то думал: странная вещь время; ведь вот результат всего этого – тот или другой – не может не быть, но почему-то он отделен от меня, от того меня, какой я есть, когда рука моя записывает «что-то будет?» и когда он мне так нужен. Что это за среда, которая для меня непроницаема, которая называется «время», и куда она потом исчезнет? Что мешало мне, например 2-го января 1964 года, прочесть этот дневник? Сегодня мы знаем – Маша окончила школу – но мы не знаем, что будет завтра, непроницаемая среда отделяет его от нас. Литературу Маша сдала на тройку, от остальных ее освободили. Чувствует она себя неважно, температура подымается до 37⁰.

19 июня.

Все последние дни я очень зол. Настолько, что не могу признаться, что несправедлив к Жене. Например, мне кажется, что она все время поддерживает наши отношения на каком-то будничном уровне (будто моя раздражительность делает их праздничными), и что это ее неумение, нежелание, неспособность вносить романтическое начало в супружескую жизнь и есть причина моей неудовлетворенности и раздражительности. Мне мало любящего человека, мне нужна любящая женщина. Полная иллюзия того, что это именно так, и что в этом корень зла. Моей раздраженности хватает на то, чтобы последнюю свою добродетель – мою верность Женьке – квалифицировать как проявление моего педантизма, узости натуры и ограниченности.

12 июля.

Почти месяц, как не касался я этой тетради. Первое время меня сковывала какая-то душевная вялость, и мне не о чем было говорить с самим собой. Я тогда подумал, что вести дневник все-таки надо, хотя бы затем, чтобы измерять этим свой духовный потенциал, следить за собой, за тем, о чем думаешь и думаешь ли вообще. Потом это состояние вялости прошло, и мне даже надо было что-то записать и не один раз, но я был занят вечерами – читал, точнее,

жадно просматривал, Радхакришнана, его «Индийскую философию», которую мне достали на короткое время.

Тогда, в этот второй период моей почти месячной паузы, когда мне хотелось сесть за эту тетрадь, но я не мог потому, что читал, спеша, кроме Радхакришнана, еще и полученную на короткий срок автобиографию Б. Пастернака, в это время я догадался, что короткие свидания с этой тетрадью доставляют мне какое-то внутреннее удовлетворение, и что это удовлетворение творчеством, которого я сам себя лишил.

Сегодня воскресенье, а завтра первый день моего отпуска. Хочется прежде всего и больше всего сосредоточиться внутри себя, очиститься от суеты, собраться с духом, который разменивается в обычные дни на пустяки – самое страшное, что может испепелить человека. Получится ли это у меня – не знаю. Надо побыть одному.

15 июля.

Собраться с мыслями, сосредоточиться – это, оказывается, не самое легкое даже тогда, когда человек ушел в отпуск. Пока из этого у меня ничего не получилось: напротив – был тяжелый разговор с Женей. Есть область, которая должна была бы сближать нас, но вместо этого она является причиной многих огорчений для обоих. Переходный возраст труден, и каждый из нас, кто перешагнул за пятьдесят, переживает его второй раз в жизни. Трудности возникают тогда, когда этот процесс перехода асинхронен, когда идущие вместе сбиваются с ноги. Но я не хочу здесь об этом думать. Мысль об этом раздражает. Это из тех мыслей, которые надо гнать – они туманят душу.

12 августа.

Завтра иду на работу. Отпуск кончился, прошел. Вот так же проходит и жизнь: она складывается иначе, чем думаешь в начале. Месяц тому назад, накануне отпуска, я записал: «Хочется, прежде всего, сосредоточиться внутри себя, очиститься от суеты...» Этого не получилось. Оказывается, наиболее счастливыми в этом отношении были те несколько вечеров, когда, приходя с работы, я садился на балкон и читал Радхакришнана, а потом как-то совершил прогулку через Броневую на Московский проспект. Очевидно, что устойчивое ощущение счастья зависит больше от того, как ты относишься к внешним событиям, а не от того, каковы эти события. Это трюизм, но когда переживаешь такое сам, старая, всем известная истина наполняется для тебя новым смыслом.

Так все же, что же мне дал отпуск – этот месяц относительной свободы и независимости. Начало его было совсем плохим: я был невыносим для других и для самого себя. Чувствовал себя плохо и физически и психически. Злился. Это был какой-то распад, энтропия. Наконец, меня почти что вытолкали в Кижы, общими усилиями. Раньше я туда очень хотел ехать, туда и вообще по родной России. Но в состоянии распада чувств и физических сил было трудно на это решиться. Может быть, я от плохого самочувствия не верил в свои силы и не надеялся на себя. Поехал с Олей. Теплоходом по Неве, через Ладожское озеро, по Свири, а затем по Онежскому озеру до Петрозаводска. Оттуда, уже на другом теплоходе, в Заонежье, на Кижский остров. Когда я брожу по Москве в поисках свиданий с памятниками старой культуры, когда их нахожу, притаившихся среди шума, суеты и делового лаконизма молодого незнакомого им племени, я, в этой суете и шуме, легче обретаю самого себя, мне проще сосредоточиться тут, чем это оказалось возможным сделать там, в тихих Кижях. Думаю, что причина этому в том, что в Кижях я был не один. И не просто не один. Иногда твой спутник помогает тебе, но это тоже тогда, когда его настроенность подобна твоей, его стремления идут в том же, а не в противоположном направлении, когда налицо сложение сил. Здесь этого не было. Умная Оля в этих и, очевидно, в подобных условиях, для меня компаньон неподходящий. Она наслажда-

ется своим самочувствием, она довольна, а мне этот туристский оптимизм мешает, рассеивает, отвлекает. Мне ни грустно, ни весело, а суетливо, и я не могу настроиться на прием.

17 августа.

А все-таки эта поездка в Кижы была поучительна для меня, несмотря и вопреки моему состоянию рассеяния. Вот что я почувствовал самым нутром: соразмерность. Значение... нет, даже волшебство соразмерности форм. И почувствовал я это, прежде всего, не на таком сложном памятнике, как Преображенская церковь (это и понятно), а на часовне, что в Воробьеве и на церкви Лазаря Муромского. Здесь все в соотношении размеров и объемов. Это соотношение форм и делает простой деревянный сруб произведением задумчивого, грустного, чистого до глубины души искусства – душевного искусства.

21 августа.

Вечером 17 августа, когда я уже лежал в постели, меня осчастливила такая мысль: помимо научного познания, опосредствованного, человек обладает непосредственным познанием – чувством: чувством самого себя, чувством окружающего его мира и **чувством своего единства с миром** (своей зависимости от него, своей связи с ним). Это последнее **лежит в основе религиозного чувства**. Почему эта мысль вызвала у меня радость найденного счастья? Почему я так боялся тогда потерять ее, заспать или разочароваться в ней? Она, как озарение, наполняет меня счастьем до сих пор. Отчего? Мне теперь тепло.

23 августа.

Я думаю, что душевное тепло, чувство примирения и счастья, которые появились у меня вечером 17 августа и сопутствуют мне и сейчас, что они потому возникли и оказались возможны, что найденная тогда мысль о непосредственном познании человеком своего единства с миром, что эта мысль включила в орбиту моего мировоззрения все богатство духовной жизни и культуры людей, живших и живущих религиозной жизнью. В мае я записал, что во мне живет уверенность в том, что истина не может быть беднее заблуждения. Я все время очень болезненно переносил утрату религиозного чувства, которое (я это знал по опыту) отвечает особой, сильной и глубокой человеческой потребности и есть нечто такое, что отличается и от искусства и от науки. Ни то, ни другое не способно заполнить вакуум, образующийся, когда человек теряет религиозное чувство. Теперь, кажется, я преодолел это. Но неужели же с 17 августа я стал верить в Бога? Ответить на это я, пожалуй, мог бы сейчас так:

– Мне стало понятно, что лежит в основе религиозного чувства, а главное то, что эта основа религиозного чувства – чувство своего единства с миром – может быть и моим достоинством. Бог – это наш образ мира как целостности, и содержание этого образа соответствует и соответствовало степени развития и обогащения чувства единства с миром. С развитием человечества обогащался и этот образ.

24 августа.

Вчера я не успел сформулировать свой ответ о Боге, а сегодня я подожду это делать – надо, чтобы все это отстоялось, надо подумать. Сегодня меня точит сомнение – правильно ли я рассуждаю.

17 сентября.

Вот месяц, как я все снова и снова возвращаюсь к этим мыслям. На разных листках, которые лежат сейчас на моем столе, записаны они. Иногда, прочтя какую-нибудь такую запись, я пугаюсь: это мистика! Но страх перед такими вещами – малодушие. Он мешает нам свободно думать. Вспомнить только, сколько было на нашей памяти случаев, что мы объявляли идеали-

стической ересью и теорию относительности, и кибернетику, и телепатию. Что касается телепатии, то мы ее еще не признали, мы еще на нее косимся. Вообще плохо начинать с отрицания. Взять, например, и, толком не разобравшись, объявить религию суеверием и выкинуть ее вон, да так выкинуть, что потом бояться подходить к ней. Между тем подавляющее большинство атеистов просто **верит**, что Бога нет. А мне кажется, что вера в то, что Бога нет, ничем не лучше веры в то, что Бог есть. Надо было бы разобраться во всем этом, но мы боимся к религии подходить и думать даже на эту тему.

Мне хочется еще сказать, что пора **понять** и на деле, а не на словах, **признать**, что вся история человечества, все, над чем человек думал, во что верил, на что надеялся, что захватывало его и волновало, что имело большое значение в его развитии, что все это наша единая нераздельная биография, наша человеческая жизнь, общая и кровная. Пора перестать разрывать историю жизни людей на клочки, сортировать их по вкусу сегодняшнего дня, потому что завтра будут другие вкусы, на съедобные и несъедобные, изображать дело так, что идеалисты преднамеренно, грязно, корыстно обманывали так называемые массы, что идеализм – это ложь, а материализм – правда, и что человечество на протяжении веков только и делало, что, подобно маятнику, раскачивалось между истиной и ложью. Или так: эксплуататоры насаждали ложное, дурманили людям головы, эксплуатируемые говорили правду. Все это – изжившая себя вульгаризация. Пусть свои мысли об этом я записал сегодня плохо, но здесь, в этом дневнике, мне важно для памяти грубо обозначить то, над чем потом надо будет основательней и спокойней поразмыслить, что надо будет сформулировать. Здесь это все импрессионистично. Чтобы не потерять, я занесу сюда, в эту тетрадь и то, о чем в эти дни думал.

Мне кажется, что мы будем ближе к истине, если предположим, что галактики и их системы, или может быть системы этих систем, или еще более сложные образования порождают нечто новое, качественно от них отличное. Я думаю, что мы меньше ошибемся, если будем думать так, чем, если мы станем это отрицать и настаивать на простом, монотонном повторении известных нам макросистем.

Если в маленьком уголке Вселенной, где мы обитаем, и в той ничтожной доле мира, которую мы в некоторой степени знаем, если даже тут микрочастицы (которые подобно макромирам тоже монотонно повторяются в пространстве) образуют сложные системы, из которых строятся нервные ткани, способные мыслить, то есть если они порождают нечто, обладающее новыми качествами, то почему бы этому не быть там, где действуют многосложные системы макромиров?

Если микрочастицы при определенных условиях образуют то, что обладает духовной жизнью, то почему макромиры не образуют такие качественно новые формы жизни, в сравнении с которыми то, что мы называем «разум» или «дух» выглядят так же, как электрон перед галактикой?

Думаю, что мы ошибемся меньше, если предположим, что это должно быть так или в этом роде, чем, если мы это будем отрицать.

История науки показывает, что модель еще неизвестного, построенная по аналогии с известным, по мере проникновения в истину, сменяется другой, более верной и богатой по своему содержанию, моделью. Но первая модель была все же нужна на путях к истине, хотя она и подлежит сносу, как временное сооружение.

Так вот и тут: аналогия, которая была приведена выше, не есть сама истина, но в ней есть, я надеюсь, доля правды и она, возможно, не останется бесплодной.

Статуя. Что здесь основное – глина или выражаемый ею образ? Наверно, образ и чувство, хотя глина и является необходимым условием выражаемого. Почему же во Вселенной мы хотим замечать только глину?

Так как чувство нашего единства с миром есть непосредственное познание – оно есть откровение.

23 сентября.

Счастливая осень. Каждый день утром я иду на работу пешком. Выбираю путь через сады и по тихим улицам, где стоят желтеющие кустарники. Этот час принадлежит мне. Я иду и думаю. Я отрешаюсь от суеты. Мне хорошо. Это час созерцания.

29 сентября.

Прочел книжку Харпер Ли «Убить пересмешника».

«Почти все люди хорошие, гластстик, когда их в конце концов поймешь», – говорит Аттикус и, конечно, сама автор. Она говорит это всей своей книгой, хотя видит много зла на свете, но она преодолевает его своей добротой и гуманизмом. Спасибо ей – Харпер Ли.

Но я имел неосторожность взять в руки другую книгу сразу после «Пересмешника». Книгу по эстетике (Гос. изд. полит. литер. Москва, 1960 г.). Раскрыл главу «Искусство и его роль в жизни общества» § 1 «Сущность искусства». Вот ее фразеология: «...бичевал господствующие классы...»; «... разоблачал внутреннюю ложь...»; «...помогает трудящимся глубже познать гнилость и звериную суть...»; «... узнать лучшие своих врагов...». О Боже, когда же мы поймем, что так писать нельзя! Что так нельзя учить и воспитывать, сеять клыки дракона.

А Харпер Ли? Она рассказала об ужасной несправедливости, которую белые учинили над черным. Но книга не страшная и не мрачная. Она не ложится камнем на сердце. Почему? Потому что Ли любит людей. Можно, видимо, любя ненавидеть и ненавидя любить, но в последнем случае любовь будет абстрактной, любовь вообще, к человечеству, а не к человеку.

20 октября.

Нехорошо, что я совсем забросил эти записи. Почти месяц не открывал тетради. Но на этот раз не потому, что погряз в суете. Скорее напротив. Часто мне хотелось записать какую-нибудь мысль, но она требовала формулировок, и я оставлял ее не выраженной, а она потом забывалась.

Все же, 17 августа было для меня необычным днем. Возросла емкость моего мировоззрения. В него вписалось то, что ранее не укладывалось, не вмещалось. Я стал счастливее.

Как правильнее об этом сказать? Как все это записать, чтобы потом, вернувшись когда-нибудь к этой тетради, понять самого себя? Вот я иду утром по осеннему саду. Иду на работу, но я весь полон счастливого созерцания. Тонкое золото ивы, щедрое – тополя, темная вода неподвижного пруда, кусочек голубого высокого неба и бескрайняя темная Вселенная, которая, я знаю, начинается за этой голубой сферой освещенного воздуха нашей планеты, весь этот осязаемый, зримый мир, вместе с миром незримых закономерностей, непознанной мудрости – все это со мной, со всем этим я душою и телом. Это то, что люди называли Богом, Миром, Вселенной, непознанным. Мне понятен молящийся индус, монгол, европеец.

1 ноября.

Вчера у Стрельцовых¹³ познакомился и проговорил весь вечер с Тверетиновой Александрой Захаровной. Ей лет пятьдесят или под пятьдесят. Я ее ничего не читал, но Аля говорит,

---

¹³ Семья Стрельцовых – Стрельцов Евгений Романович – инженер-архитектор, его жена Андрес Александра Львовна (см.נסקו на стр. 13) и сын Владимир Евгеньевич Стрельцов – биолог.

что она хорошо пишет. Теперь надо будет прочесть. Но сейчас я о другом. Вот, что я от нее услышал.

Александр Александрович Тверетинов, ее муж, был близким другом Эфрона – мужа Марины Цветаевой. Сама Тверетинова подруга дочери Цветаевой и Эфрона – Али.

Цветаева с Эфроном поженились, когда обоим было по 16 лет, так что дочь их, Аля, младше отца и матери только на 17 лет.

Тверетинова с детства жила в Париже. На родину вернулась только в 1947 году. В Париже она и встречалась с Мариной Ивановной Цветаевой.

– Это был трудный, очень трудный и своеобразный человек, – говорит она о ней. Жили они (Цветаева с Эфроном) по-богемному, как выразилась Тверетинова, «на ящиках». Однажды в Париж приехала делегация советских писателей. Тверетинова не помнит точно ее состава, но среди приехавших был Алексей Толстой. Где-то в кулуарах какого-то собрания Толстой встретился с Цветаевой. Горячо обнялись, расцеловались.

– Марина, тебе надо ехать на Родину, – сказал ей Толстой, а Цветаева ему ответила:

– Родина меня не принимает...

Тверетинова утверждает, что Цветаева страстно любила Родину и ничего не понимала в политике, и сама знала, что ничего не понимает. Такие люди, как она, думается мне, живут больше чувством. Родину она любила, и я уверен, что Тверетинова права – она страстно любила Родину, но не понимала ничего не только в политике, как видно, и в истории. Она была жертвой своего чувства и своего непонимания. Она как птица летела на свет, но разбилась о маяк. Эфрон тоже любил Россию, но не принял свершившегося в ней. Поэтому он белоэмигрант. Но Россия была для него дороже убеждений. Он был участником ледового похода, и у Цветаевой есть стихи об этом, ему посвященные. У нас они не печатались. Но Тверетинова рассказывает такой эпизод, связанный с этим. Однажды она с мужем пригласили Эфрона с Цветаевой на обед. Цветаева читала только что написанных «Челюскинцев» и те стихи о Ледовом походе, посвященные Эфрону. Тверетинов после чтения сказал ей: «Что же осталось от этого похода? Одни крестики». Это было так, это был исторический факт, но он противоречил чувству Цветаевой, а потому оскорблял ее. Цветаева все бросила, вышла из-за стола, и никакие уговоры не могли удержать ее – она ушла, Эфрон тоже. Обед был испорчен. Но важно здесь другое. Эфрон был участником белогвардейского похода. Цветаеву оскорбляло напоминание о гибели его участников, но оба они едут все же в Россию и, конечно, не для того чтобы вредить ей – они ее любят. Александр Иванович Тверетинов провожает их на Родину, а перед самой войной едет сюда сам. Александра Захаровна оказывается отрезанной войной. Сидит в немецком лагере и только после войны, в 1947 году, тоже возвращается в Россию. Что же она здесь находит? Эфрон и ее муж расстреляны. Цветаева – погибла. Аля – в лагере. Ей самой в Москве жить не разрешают, и она микробиологом едет в Киргизию.

Сейчас покойные реабилитированы из-за отсутствия состава преступления. Аля Эфрон, отсидев восемнадцать лет, живет в Москве. Но Цветаевой нет: Родина ее не приняла.

А ночью мне снился такой сон. Будто я в унылом и пустом месте, поросшем кустарником. Я не один – нас несколько. И вот начинается страшный ветер. Я смотрю на небо. Там стремительно летят темные, тревожные облака. Они становятся все темнее и темнее. Вдруг я замечаю, что облака эти не обычные, а что это земля тяжелыми слипшимися массами летит над нами, застилая небо. Я только успеваю подумать, что ведь так это продолжаться долго не может, что все это начнет скоро рушиться на нас, как уже слышу глухой удар от первого падения. За ним следующий, потом еще и еще. Меня охватывает гнетущее чувство обреченности, беспомощности, беспечности совершающегося зла. Когда я проснулся, я узнал это чувство – оно было у нас в эпоху репрессий.

14 декабря.

Наконец-то я сдал эту работу – «Технико-экономический доклад о развитии целлюлозно-бумажной промышленности Северо-Западного крупного экономического района». Все вечера и воскресенья были убиты на это, т. к. это была «халтура» за двести рублей, из которых пока что я получил сорок. Такая жизнь – без времени для чтения, без возможности подумать на вольную тему – для меня пытка. Сегодня я блаженствую и сибаритничаю. После работы два часа спал. Сейчас, предвкушая вечерние досуги, ничего еще не начинаю, ни за что еще не берусь.

30 декабря.

Год 1964-й идет к концу. Когда-то он будет далекой историей. О нас, обо мне, о миллионах моих современников забудут. Останется считанное число имен, которые через некоторое время тоже исчезнут. Эти тривиальные мысли все же лезут в голову. И о смерти, об этом тотальном исчезновении, нельзя не думать, как ни пыжься. Правда, я и не пыжусь – смешно закрывать на это глаза. Надо думать об этом, стараться спокойно понять. Надо быть, надо научиться быть счастливым не вопреки смерти (это состояние неустойчивого равновесия), а с учетом смерти.

Вторая тетрадь

1965 год

3 января.

Странно, эту цифру «1965» я ставил еще не так давно в перспективных планах – сейчас это действительность, сегодняшний день!

Вот год, как я делаю эти записи. Они с большой натяжкой могут сойти за дневник. В них меньше всего внешних событий, и это на меня похоже, это в моем духе. Помню, когда-то мама жаловалась на то, что из моих писем не узнаешь о том, как я живу, но она ошибалась – это и есть описание моей жизни. В этом, может быть, есть что-нибудь от Платона – если внешняя сторона жизни для меня только тени. Вот чувство потерянного времени (оно меня преследует с отрочества), когда я, вместо того чтобы размышлять, должен заниматься практическими вещами – это того же поля ягода! Это страшным образом несовременно. И неудивительно, что с таким складом характера я ничего не сделал и не сделаю. В Индии я был бы более уместен, хотя это, вообще говоря, глубоко русская черта.

9 января.

Суббота. Вечер. Досуг, но не безделье! Как я люблю эти часы, когда остаюсь один со своими мыслями и книгами. Это не одиночество – через стену доносятся голоса моих близких. Я знаю, что Женя рядом.

Сегодня опять читал Бунге (Марио Бунге. «Причинность. Место принципа причинности в современной науке» Изд. Иностранной литературы. Москва, 1962). Эти несколько дней, что я к нему прикладываюсь, были для меня счастливыми днями. Его понимание детерминации, как глубокий вдох, распрямляет грудь и оживляет сердце. Еще раз: истина не может быть беднее заблуждения! Я в этом твердо уверен. Чем больше мы будем познавать мир (оставаясь на почве самой строгой науки), тем нам просторнее в нем будет. И все, что ранее не помещалось в нем, а потому искало места за его пределами, нами самими очерченными, что помещалось над ним и противопоставлялось ему под именем Бога, – все это будет поглощено им. Мир будет равен Богу, Бог будет равен Миру, потому что так всегда было, и только неведение человека, который, не осознавая своих потребностей и своей природы, но подчиняясь им, молился раньше камню, потом иконе, потом абсолютному духу, только его неведение заставляло противопоставлять Бога – Миру и называть их по-разному.

Четверг, 21 января.

С воскресенья сижу на больничном листе. Уже вчера настроение было плохим. Сегодня не лучше. Но зато в воскресенье, когда случился жар, и ломало, на душе было необыкновенно хорошо: покойно, светло, радостно. Это уже не первый раз. А в 1950 году, когда я оказался на краю могилы, душевное состояние было блаженным.

Воскресенье, 24 января.

Все еще на больничном листе, сижу под домашним арестом. Душевная пустота. Вчера, кажется, был момент, когда я вдруг почувствовал, что меня ничего не интересует. Ужасное чувство: я заглянул в глаза дьяволу. Под вечер полегло – помог Блок.

Понедельник, 2 февраля.

На днях, когда рабочее время было уже на исходе, зашел ко мне Ю. В. Его недавно приняли в партию. Сейчас он выполняет какую-то общественную работу в отделе международных связей (кажется, так это называется) райкома. Зашел и спрашивает: знаю ли я что-нибудь о Фрейде.

– А я, – говорит, – вот до вчерашнего дня ничего о нем не слышал, но зато вчера был на диспуте между нашими молодыми философами и американцами.

Оказалось, что таки действительно такой диспут был по инициативе обкома партии в кафе «Дружба». Как говорит Ю. В., после того, как американцы ушли, наши признались в открытую, что отстали от того, что делается на свете в этой области. Такое признание, высказанное вслух, возможность такого диспута – все это ново и очень отраднo. Сколько лет, десятилетий мы шли в шорах. Этот диспут, конечно, был для самого узкого круга и значение его не в свободном обмене мнениями, значение его, будем надеяться, в том, что это первый признак появляющегося сознания необходимости обмена мнениями.

Суббота, 6 февраля.

Странно – выехал в Москву, чувствовал себя полубольным; очень напряженно жил там и уже через два дня всякое недомогание прошло. Неужели подавленность психическая и физическая, которую я по временам ощущаю, – следствие какого-то утомления однообразием, даже тогда, когда это однообразие доставляет мне удовольствие (каждый вечер после отдыха – чтение)? Впечатления – они, наверное, нужны, как разнообразие в пище. Сегодня я чувствую себя довольно бодро, несмотря на физическое утомление.

Воскресенье, 7 февраля.

Очевидно я на рубеже кризиса. Чувствую, что продолжать нельзя, а начинать, понимаю, что поздно. Нельзя продолжать жить без отдачи: читать, размышлять впустую. Но начинать в 54 года чрезвычайно трудно: осталось мало времени – не успеть, а, кроме того, в этом возрасте лучше, чем в молодости знаешь свои возможности, их границы. Что же делать? Всю жизнь мне не хватало досуга, чтобы в этот досуг работать не для заработка, а вот в 60 лет, если доживу, досуг будет, но бессмысленность всяких затей убьет на месте всякое начинание. И для чего же тогда он будет, этот досуг?

Можно спросить:

– Почему же не начал раньше?

– Считал себя неподготовленным.

– А теперь?

– Теперь тоже, но тогда все делалось, чтобы подготовиться к деятельности, а сейчас понятно, что не успею, и такая подготовка бессмысленна.

Понедельник, 1 марта.

В детстве хочется на кого-нибудь походить: на героя прочитанной книги, виденного спектакля, фильма. Это бывает и позднее. Но герои вокруг тебя разные, и дело не в этом. Надо найти собственный алгоритм и решать по нему дни своей жизни, и чем последовательней, тем лучше.

* * *

Я как бегущий – стремлюсь вперед и вперед, а окружающего не вижу, не понимаю, не умею им насладиться. Так нельзя. Такое стремление не приведет ни к знанию, ни к счастью. И вот (это было недели две тому назад) я решил сделать опыт – остановиться и присмотреться, не боясь потери времени. Передо мной была фотография фрески Перуджино. Я не торопился, не

читал что-нибудь нового, остановился на ней, чтобы дать себе отчет, почему она так хороша? И вот, что я в те дни записал:

Перуджино. Передача ключей. 1473 год. Сикстинская капелла в Ватикане, Рим.

Передо мной небольшая фотография этой фрески. Я всматриваюсь в нее, и чем дольше и внимательнее, тем более она меня покоряет. Но чем?

Вот я пытаюсь разобраться. Смотрю опять. Строю и опровергаю свои догадки. Наконец, решаюсь выразить словами увиденное, но без веры в свои силы.

Их две группы, идущих навстречу друг другу людей. Может быть, они уже остановились... Их разделяет небольшое пространство. Но оно достаточно, чтобы они не смешивались, чтобы были левые и правые, чтобы было это внешнее разделение и стало возможным его внутреннее преодоление. С изысканной убедительностью внушает нам Перуджино волнующее нас чувство внутреннего единства этих людей. Он их разделил, чтобы потом складками их одежд, положением рук, поворотом тел, наклоном голов изобретательно и многократно доказать нам, что они принадлежат к одному братству. Они единомышленники и единоверцы. Но их двенадцать – его учеников, – остальные горожане. Отличить их нетрудно – не только по головным уборам и платью, но и по духовному облику, по отношению к происходящему, по степени их участия в совершающемся.

Однако на фреске изображена не только передача ключей от Царства Небесного. Есть пейзаж, есть другие люди. Как и зачем они здесь?

Конечно, неслучайно – все подчинено основному и существует для его выражения. Сооружения, которые мы видим на заднем плане, строго симметричны: по бокам две одинаковых триумфальных арки, посередине – храм спокойно симметричной архитектуры. Они доказывают тот же тезис – единство двух групп людей, участвующих в церемонии передачи ключей. Храм даже как бы соединяет их своими боковыми арками, а одинаковые триумфальные ворота по бокам утверждают и закрепляют их единство. Холмы и деревья спасают композицию пейзажа от геометрии.

Единство этих людей – учеников Христа и сопровождающих их горожан, многократно доказанное нашему чувству, оттенено поведением людей на площади. Их маленькие фигурки противопоставлены стоящим на переднем плане: справа они рассыпались, играя, слева – собрались небольшими обособленными группами. И если фигура Христа, передающего ключи Петру, соединяет две группы переднего плана, то две стоящих вдали разъединяют тех, что на площади. Единство первых от этого убедительнее. Это светотень. А мера, масштаб, принятые для той и другой композиции таковы, что разобщенность людей на площади не может разрушить впечатление единства, получаемого от изображения в целом. Кроме того, они и особенно те, которые размещены совсем вдали, между храмом и триумфальной аркой, создают впечатление глубины, так же как большие плиты мостовой, квадраты которых уходят в перспективу. Благодаря этому фреска имеет несколько планов, и на первом, ближайшем к нам, совершается главное.

10–11 марта.

Сейчас пробило двенадцать. Мне пошел пятьдесят пятый год. Мои дорогие, зная мои пристрастия, подарили мне Плутарха и Лескова.

Весна, солнце, оживающий воздух каждый год помогает мне перевести дух после зимнего мрака и с новыми силами преодолевать время. Хорошо, что день рождения мой приходится на весну – раннюю, раннюю весну, когда все лучшее впереди.

19 апреля.

Я совершенно забросил свой дневник. Больше месяца – ни одной строчки, а много раз хотел, но не мог собраться и сесть за него. Было так 1-го апреля, когда вернулся с кладбища от

мамы; после прочтения, даже вернее после внимательного разглядывания и прочтения книги Алпатова, которую подарил мне 11 марта Коляна¹⁴ («Памятники древнерусской живописи»); было так и вчера – после возвращения из Москвы, которая, что ни говори, для меня родной город. Этот раз был там два дня. Приехал утром, в шестом часу. Все еще чисто, на улицах почти безлюдно. Поехал к Новодевичьему монастырю. Постоял против него, освещенного ранним солнцем, потом поехал к собору Рождественского монастыря, которому 460 лет, но который, несмотря на свой возраст, сохранил ясность мысли и, вопреки всему случившемуся, уверен в правоте своего благочестия. Но я могу потом самому себе показаться другим, чем я был на самом деле в 1965 году. Поэтому я должен сказать здесь, что я с радостью в сердце смотрел в это утро и на фасад гостиницы «Юность»: светло-серые горизонтальные полосы стен, темно-серые стекла окон и синие промежутки между ними – хорошо.

27 апреля.

Весна в этом году действует на меня, как болезнь. Она все замутила во мне, разволновала, растревожила и бросила меня на съедение желанием, которые, я думал, стали ручными, но оказались по ту сторону повиновения и сейчас готовы разорвать меня. Я раздражителен и без конца огорчаю мою Женю.

1 и 2 мая; суббота, воскресенье.

Я задумал это пешее возвращение домой за день или за два до праздников. Я представлял себе, как будет хорошо, освободившись с работы пораньше, идти этой дорогой, имея два свободных дня впереди. И вот вчера, выйдя с работы без двадцати два, я пошел, медленно, не спеша, по Огородникова к Степана Разина и по ней к саду Тридцатилетия; затем через сад, через сквер, где круглое озерцо на Промышленную улицу, на Турбинную и через дворы на проспект Стачек; то есть так, как я часто по утрам, в обратном направлении, хожу на работу. Но тогда у меня впереди не радующий меня труд, а теперь – два дня любимых занятий. Но я не прошел и ста метров, как почувствовал, что мне бесконечно грустно. На улицах готовились к празднику, и стояла весна. Я старался не встречаться с людьми глазами, потому что чувствовал какое у меня тяжелое и безрадостное лицо. Мне было жаль, как детства, той поры, когда можно было верить в личное бессмертие. Так я шел до самого сада. Но когда вступил в него и поднял глаза к верхушкам деревьев, к небу – вспомнил вдруг свою собственную догадку, что есть не только чувство окружающего нас – вещей, самого себя, но и чувство своего единства с миром. И исстрадавшись от усилий понять свое место и свое назначение в этом мире, я сделал попытку шагнуть в это чувство. Это мне скоро удалось. На душе посветлело. Я пришел домой уравновешенный. Это шестое и лучшее наше чувство. Праздники прошли хорошо.

5 мая, среда.

Сегодня было торжественное собрание по случаю приближающего двадцатилетия Победы. Почтили память погибших вставанием. Молодежи на собрании было мало – не пришла.

* * *

Все продолжаю думать о том же – что есть истина? Ни одно учение не выражает собой все истины, а там где часть истины выдается за всю, – там начинается догматизм.

22 мая, суббота.

---

¹⁴ См. сноску [*] на стр. 19.

Сижу перед окном в гостинице «Останкино». Идет дождь, который нарушил мои планы, и прогулка моя по роще ботанического сада не состоялась. Небо хмурое. Жду девяти часов, чтобы отправиться на вокзал и ехать домой.

Читаю Виктора Некрасова – «Месяц во Франции» («Новый мир»? 4, 1965 г.), где он кокетничает, а мне немножко скучно. Представил себе, что живу один в Москве (которую нежно люблю с детства), что у меня своя комната. Вот наступает вечер... Что делать? То, что всегда дома, – читать? Разбираться в спиритуализме древнерусской живописи? Но если я могу этим заниматься окруженный семьей, может быть, еще нужной ей, то в условиях одиночества это любительство и дилетантизм мне показались бессмысленными.

24 мая, понедельник.

Уехал в Архангельск Володя. Грустно. Пусто. Беспокоюсь.

24 июня, четверг.

Прошел ровно месяц, как я не видел Вовку. Сегодня он у меня был здесь, в Зеленогорске. Пробудет в Ленинграде несколько дней, потом опять в Архангельск.

25 июня, пятница, Зеленогорск.

Я очень не доволен собой. На Колянины заботы отвечаю раздражительностью. Раздражают не заботы, и раздражительностью я отвечаю, собственно, не на них. Но я нетерпим и слишком ко многому, почти ко всему, что нас с ним различает. А он хороший – терпеливо сносит.

Это было 22 июня. Мы с Коляной пошли на озеро, которое за железной дорогой в пяти километрах от Зеленогорска. Он купался, я бродил между сосен. И вот вспомнил, как в последний раз прощаясь с мамочкой и поцеловав ее, когда она лежала в гробу, такая же, как при жизни, я был поражен прикосновением к ее ледяному лбу. И я тут понял, что передо мной только ее обличие, а ее уже нет. Иногда, давно известные вещи, став твоим личным опытом, постигаются впервые в их подлинном значении. Так и тут. А сейчас, при воспоминании об этом, мне стало до предела ясно, как велика разница между целостностью и суммой частей ее составляющих. Она так же огромна, как разница между холодными останками, которые тогда были передо мной, и тем, что было моей мамой, которая любила, тосковала, страдала, радовалась, жила. Я не знаю, как правильно назвать ту целостность, частями которой являются микромиры и галактики, и которая, конечно, неизмеримо больше, чем просто сумма этих своих частей! И так ли невежественны были те, которые, пытаясь всем своим существом понять эту целостность и приобщиться к ней, называли ее Богом?

Для того, чтобы познавать части этой целостности, достаточно обладать пятью чувствами, но для того, чтобы познать целостность как таковую – нужно шестое.

Те, кто сегодня именуют себя материалистами, полагают обойтись пятью.

30 июня, среда, Зеленогорск.

Чтение для меня это, пожалуй, прежде всего – поиск. Я ищу нужное мне слово. Но, может быть, его мне надо искать не у других, а у себя? Прочитанное похоже на стороны вписанных в окружность многоугольников. Их, многоугольников, много. Некоторые из них имеют три, четыре, пять сторон – они совсем похожи на то, что мне надо, а нужна окружность; другие имеют сто, двести, тысячу сторон и они, особенно некоторые из них, близки к тому, что мне надо. Но все они никогда не становятся окружностью круга и не утоляют меня...

Очевидно, нужное слово надо найти мне самому, а это не легко, потому что искомая окружность подобна орбите – я знаю, что она есть, но как ее увидеть?

12 июля, понедельник, Зеленогорск.

10-е, 11-е и 12-е июля были лучшими днями моего отпуска. Их не в силах был омрачить даже приближающийся конец моей вольности – часы служебного присутствия, которые должны начаться с 15 июля. Эти три дня с 10-го по 12-е были днями радостных размышлений, находок, душевного равновесия и душевного подъема. Я обретаю новое мирозерцание, более емкое, а потому более правильное, чем прежнее. Оно мучительно созревало год, два, а скорее всего, еще больше. Теперь многое проясняется. Я чувствую себя счастливым.

4 сентября, суббота, Ленинград.

Вчера вышел из больницы, где пролежал с 28 июля. Я не вел там этих записей, потому, что не был уверен в скромности соседей (некоторых из них), а делиться с ними своими мыслями не хотел.

Летом «ходячим» больным в больнице Мечникова хорошо, т. к. прогулки разрешены в течение всего дня, исключая часы обхода врачей, процедур и приема пищи. Я много бродил и очень любил эти уединения. Всякий раз, оставаясь один, я уходил мыслями в открывшийся мне мир, где мне счастливо и легко дышалось.

Кроме того, наблюдая больных и слушая их беседы, которые с маниакальной монотонностью возвращаются снова и снова к теме их болезней, видя этот проникающий эгоцентризм, часто, конечно, искупаемый страданиями, я очень ясно почувствовал, что счастье человеческое никогда не будет найдено тем, кто живет собою и для себя. Здесь человек подчинен закону конечных вещей и явлений, истина которых во взаимосвязи с окружающим их миром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.